

Ленинградская правда, 1987, 30.01.87.

СЕРДЕЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

ЗА СТАНДАРТНОЙ табличкой «Музей закрыт по техническим причинам» на этот раз таилась беда. Горячий пар, вырвавшийся из батарей центрального отопления, повредил фамильные реликвии мемориальной квартиры Федора Ивановича Шалапина. Авария? Несчастный случай? Да. Но еще в сердечная недостаточность должностных лиц, которые вовремя не откликнулись на просьбы музея о помощи.

— ПАР бушевал минут сорок. И когда мы увидели, что он натворил, нас охватило отчаяние, — рассказывает директор Музея театрального и музыкального искусства Ирина Викторовна Евстигнеева. — Картины на стенах мемориальной гостиной помутнели, мебель разбухла, пропиталась водой графика, облезло золочение с вентилей, подаренной певцу английской граммофонной фирмой. Среди пострадавших оказался и знаменитый портрет Федора Ивановича работы Кустодиева. Я уж не говорю о паркете... Повреждений было бы еще больше, если бы не решительные действия наших ветеранов — музейных смотрителей Людмилы Александровны Смольяниновой и Натальи Дмитриевны Чистяковой, которые успели вынести часть экспонатов.

Первыми откликнулись на нашу беду специалисты мастеровских «Росреставрация». Они примчались и тут же принялись за работу. Видя, в каком мы состоянии, попытались даже успокоить нас. Прибыли и секретарь Петроградского райкома партии Евгений Юрьевич Марютин и заместитель председателя райисполкома Юрий Иванович Морозов. Скажу честно: всех, кто был в музее, поразило их поведение. Они даже не взглянули на повреждения, словно приехали не во всеобщее известное мемориал, а на какой-то объект. Ни малейшего сочувствия, желания помочь. Спустя два дня, когда вновь назрела аварийная ситуация, я позвонила Морозову и нарвалась на грубость. А потом он вообще бросил трубку, заявив, что ему не о чем со мной разговаривать.

Теперь многие говорят: «Что же вы мне лично не позвонили?», но это запоздалый вопрос. Музей был тревогу, предупреждал, что система отопления в филиале на улице Графтио, 2-б, находится в аварийном состоянии. У всех на памяти был горький опыт 1979 года, когда из двух лопнувших радиаторов в музее хлестал кипяток. Позаботиться коммунальная служба, как ей и положено, о своевременной проверке системы — и ЧП наверняка бы не произошло. Да

вот, выходит, не достучались...

Ирина Викторовна представила мне «хронограф сигналов», с которыми в течение декабря и января музей выходил в жилую часть, жилищно-эксплуатационный трест и исполком Петроградского райсовета. Дремучим равнодушием повеяло от этих звонков в пустоту. Вот лишь несколько строк из этого документа.

3 декабря. Подана заявка в ЖЭУ-18 по поводу того, что отключены два стояка в концертном зале музея.

6 декабря. Звонили в райисполком. Нам сказали, что нами занимаются.

26 декабря. Затопило концертный зал — прорвало трубы в квартире выше этажом. Вызвали аварийную, перекрыли водопровод.

28 декабря. Звонили дежурному райисполкома. Долго искал нашу заявку и передал сигнал в ЖЭУ.

29 декабря. Водопроводчик так и не пришел. Сами чем могли утепляли трубы на чердаке.

30 декабря. Была комиссия из ЖЭУ-18 и ЖЭТ-3. Сказали, что пришлют рабочих, и просили больше нигде не жаловаться.

31 декабря. Пришел водопроводчик. Во время ремонта прорвало батарею в радиорубке. Одну батарею заменил, вместо второй поставил заглушку.

4 января. ЖЭТ просил, чтобы мы сами достали батарею.

9 января. Застыли батареи в мемориальной гостиной. Ходили в ЖЭУ, говорили с мастером-сантехником Григорием В. С. — в резких тонах отказалась помочь музею на том основании, что договором не предусмотрено обслуживание аварий (хотя такой пункт в договоре есть). (Фамилия этой особы, уверовавшей в свою полную безнаказанность, четырежды встречается в хронике тревожных сигналов и каждый раз в одном и том же контексте.)

13 января. Пошли в ЖЭУ-18. Разговор выглядел до курьезного возмутительно — сотрудники конторы заявили, что ничего делать для музея не собираются, даже отказавшись назвать свои фамилии и должности.

Вот так и продолжались звонки и бедотня по кабинетам, пока не залило мемориальную гостиную. Читаешь эту хронiku, направленную в Главное управление культуры Исполкома Ленсовета, и сомнение берет: да полно, не сгущены ли краски? Нет, не сгущены. Своими глазами видел и совсем свежую протечку с подставленными под струйки тазами, и зашедшие стены лестниц, и открытую холодам трубу на чердаке, которую кто-то из музейных работников обмотал своим старым пальто...

Дом на Петроградской стороне помнит Федора Ивановича в расцвете творческих сил — здесь жил он с 1914 по 1922 год. Ныне на втором этаже располагается отдел «Русский оперный театр XVIII — XX веков» — филиал Музея театрального и музыкального искусства. Сохранились подлинники вещи хозяина дома. Принято решение о расширении филиала, ему передается еще несколько этажей и дворовый флигель. Тысячи и тысячи гостей со всех концов света приезжают сюда, чтобы приобщиться к истории русского оперного искусства. Но в эти дни не узнать уютной квартиры — пусты залы, всюду на полу строительный материал, коробки и мешки с экспонатами.

Картины и мебель увезли на реставрацию. Уже к маю мастера обещали вернуть в экспозицию портрет Шалапина, да и многое другое воссоздается вне очереди. По предварительным подсчетам, реставрация живописи и паркета, а также косметический ремонт потребуют более пятидесяти тысяч рублей. Но сердце у работников музея и теперь не на месте: нет у них уверенности, что подобное ЧП больше не повторится.

Был у меня по этому поводу разговор с секретарем Петроградского райкома партии Е. Ю. Марютиным. Рассказал я ему и о ледяных трубах, и о заснеженном чердаке, откуда вновь напоминает о себе зимняя капель, и о ЖЭУ-18, где к музею относятся, как к бедному родственнику. В от-

вет последовали заверения, что нуждам шалапинского мемориала будет оказано всяческое содействие.

— А пока самый верный выход из создавшегося положения — освоить музейным работникам «смежную специальность» — стать сантехниками, — невольно шутит заведующая филиалом Марина Михайловна Годлевская. — Мы телефоны коммунальных служб уже наизусть знаем. Но отношение к нам — как к дому, который пошел на расселение. И вот вместо того, чтобы заниматься научной работой, решаем вопросы, где раздобыть батарею, как утеплить стояк.

Но теперь у музея есть уже много добровольных помощников. Десятки звонков раздались в филиале на следующий же день после того, как в выпуске ленинградской телепрограммы «Монитор» был показан сюжет об аварии в мемориальной квартире. Незнакомые люди сочувствовали, уточняли, предлагали свои услуги. А первыми сразу после занятия пришли сюда ребята из СПТУ-38 — встряхнули, почистили снежком тяжелые музейные ковры. Марина Михайловна просит назвать фамилии этих добровольных помощников — Вадим Бордовский, Константин Кудрин, Александр Шмелев, Алексей Никонович и Александр Штыков. Спасибо им сердечное за истинно ленинградскую отзывчивость! Спасибо и женщины, назвавшей себя Рузанной Николаевной, — она собрала бригаду из своих подруг и вызвалась, когда понадобится, перебрать всю квартиру.

Беда приходит там, где распущена дисциплина, принижена ответственность. К непримиримой борьбе с этими недостатками призывают документы январского Пленума ЦК КПСС. Мы должны добиваться, чтобы организованность, четкая исполнительская дисциплина стали законом для каждого, какой бы пост он ни занимал. Далеко не все в нашей грустной истории руководствовались этим принципом. Январские заморозки во всей полноте выявили и преступное бездушие, и сердечную людскую теплоту.

Последняя протечка в филиале была 27 января, через две недели после аварии в мемориальной гостиной. Когда верстался номер, я позвонил в музей узнать последние новости и, к своему изумлению, услышал: все в порядке — батареи заменены, трубы утеплены. Значит, все можно было сделать за два дня!

О. СЕРДОБОЛЬСКИЙ,
корр. ЛЕНТАСС, — для «Ленинградской правды»